

УДК 323

А.И. Лысюк

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Данная работа посвящена изучению содержания и форм общественной самодеятельности граждан государства в рамках публичной политики. Первоначально определяется содержание понятий «гражданин» и «гражданство». Дан анализ различных исследовательских подходов относительно этой проблематики. Отмечается, что базовым актором публичной политики является гражданин, действующий в рамках социальных институтов, представляющих гражданское общество и обладающих гражданской миссией. Констатируется, что гражданская идентичность основывается: а) на определенных правовых уложениях, подтверждающих юридическую принадлежность к определенному гражданскому сообществу; б) на культурной идентичности, поскольку в основе любой государственности находится политико-культурный компонент, определенные культурно-символические системы; в) на патриотизме как согласии и лояльности по отношению к конституции и политической системе; г) на идентификациях относительно национальной принадлежности.

Введение

В последнее десятилетие изучение феномена публичной политики переживает своеобразный Ренессанс, что обусловлено, главным образом, всплеском, активизацией общественной самодеятельности и социального творчества граждан, своеобразным «восстанием масс». Как следствие этого, в современном обществе сфера действия социальных инициатив, в целом гражданского общества постоянно расширяется. По справедливому утверждению российского исследователя Н. Шматко, «сегодня мы присутствуем при процессе перехода от одного состояния поля политики – традиционно-го, обладающего исторически сложившимся континуумом форм, к другому его состоянию – публичной политике, где эксперты, члены гражданских и общественных комитетов, социальные работники являются важными действующими лицами» [1, с. 109].

Ключевым, базовым актором публичной политики является гражданин того или иного государства, обладающий, в силу своего социального статуса, определенной совокупностью прав и обязанностей. Сам термин «гражданин» указывает на наличие устойчивой правовой связи между индивидом и государством, выраженных «в наличии взаимных прав и обязанностей... и выступает как некий *статус*, которым наделены все индивиды, в такой связи находящиеся» [2, с. 8].

Одновременно феномен гражданина не сводится к его формально-юридической стороне, а рядом исследователей трактуется как «совокупность социальных институционализированных практик» (М. Солмерс), т.е. типичных социальных действий и операций, осуществляемых гражданином «от имени» и в рамках социально-политических институтов и имеющих ясно выраженную гражданскую миссию. Поэтому целью данной статьи является анализ содержания и форм общественной самодеятельности граждан государства в рамках публичной политики сквозь призму их гражданской идентичности.

Гражданин как субъект публичной политики

Бесспорно, нельзя не согласиться с утверждением, что публичную политику в первую очередь создают, осуществляют определенные государственные и общественные институты, отдельные социальные группы и социальные инициативы. Не менее очевиден, однако, тот факт, что ее своего рода первоэлементом является личность в своем гражданском состоянии, т.е. гражданин определенного государства, который, с одной стороны, являясь субъектом социальной активности, выступает в качестве инструмента давления на институты власти по поводу содержания принимаемых ими поли-

тических решений, а с другой – сам государственный аппарат обладает отчетливым гражданским качеством, т.е. представлен гражданами своего государства и имеет отчетливо выраженную гражданскую миссию – ориентацию на реализацию общественно-го блага.

Что же представляют собой гражданин как субъект публичной политики и имманентно присущее ему гражданство? Существует множество определений этого феномена [3]. Наиболее распространенной является точка зрения, указывающая на то, что термин «гражданин» констатирует наличие нормативно-юридических прав и обязанностей между индивидом и государством. Очевидно, что данная интерпретация описывает, прежде всего, формальное отношение между ними. Индивиды, которые считаются гражданами, совсем не обязательно, правда, совершают определенные действия, «заданные» государством. Действительно, выделенная, например, в Основном законе белорусского государства в статьях 52–58 совокупность обязанностей, адресованных гражданам РБ, для большинства из них не обладает императивными свойствами и не обязательно является импульсом к действию.

Феномен гражданства не сводится к его формально-юридической стороне, а может трактоваться и как совокупность «социальных практик», которые детерминированы сетевыми отношениями, господствующими в том или ином национально-государственном сообществе. В этом случае речь идет об ансамбле типичных социальных действий, детерминированных статусом гражданина и нацеленных на преобразование общественной среды и социальных институтов. В качестве таковых можно назвать различные формы социальной самодеятельности, институционализированные в рамках Второго и Третьего общественных секторов, образцы политического участия граждан, степень их привлеченности к принятию политических решений и др.

Основополагающим компонентом гражданства и гражданина, помимо правового, является тот особый культурный фундамент, обладающий исторической устойчивостью, на котором они базируются и в рамках которого функционируют. Разложение, эрозия этого фундамента непременно приводят к деструкции гражданства и, соответственно, социального (и политического) поведения гражданина. При этом в состояние распада приходит не только его лояльность по отношению к «своему» государству и правительству, но и наблюдается известная контroversия его установок с установками других граждан. Гражданство, таким образом, необходимо основано на признании гражданами государства в качестве руководящих и универсальных определенных культурных образцов, включая и образцы политико-культурные, что предполагает в качестве своего необходимого компонента культурную ассимиляцию мигрантов. Действительно, если в феномене гражданства не учитывать фактор «культурной безопасности», то тем самым прямой угрозе будет подвергаться сама национально-государственная безопасность, а отсюда и общественная безопасность. Поэтому не стоит удивляться, что «культурная травма», полученная гражданами постсоветских государств, существенным образом снизила уровень безопасности в обществе, потребовав от этих государств предпринять серьезные усилия по формированию у своих граждан общих социокультурных кодов и символов [4].

Следует отметить также, что феномен гражданства предполагает свободный выбор гражданина в его пользу, В противном случае очевиден социальный диссонанс между его формально-юридическими, культурно-символическими и практико-преобразующими составляющими. Как справедливо отмечал белорусский исследователь О. Бреский, «гражданин не задается неким внешним порядком. Гражданин невозможно создать. Потому что «гражданин» в существе своем, – это этическая категория, категория обязывания. Она выражает существо модернизации – умения и необходимости человека быть с другими и участвовать в публичной жизни, оставаясь

индивидуальностью... Очевидно, что гражданин в публичном порядке репрезентирует личность. Отсюда следует то важнейшее значение, которое имеет в становлении гражданского общества этика, религия – системы, каждая из которых предоставляет основу личности, основу всякой репрезентации» [3, с. 79–80]. К этому можно добавить, что мотивация гражданина не ограничивается религиозно-этическим копонентом, а включает в себя широкую гамму смыслообразующих мировоззренческих, идеологических и политико-культурных мотивов [5, с. 238–241].

Если в самом общем виде посмотреть на развитие института гражданства в странах, представляющих англо-саксонскую цивилизацию, то можно увидеть переплетение трех противоречивых процессов. С одной стороны, наблюдается изменение объема прав, которыми наделяются граждане западных государств. Очевидно, что этот объем в условиях постиндустриального общества имеет тенденцию к росту, являясь отражением все большей значимости в мотивационных стратегиях граждан постматериальных ценностей.

С другой стороны, происходит, учитывая масштабность эмиграционных потоков «на Запад», распространение гражданства на новые категории индивидов, состоящие преимущественно из мигрантов. Действительно, в настоящее время во всех западных обществах имеются группы граждан, требующие признания государством их культурной и религиозной идентичности, а также адаптации общественных институтов и правовых систем к их особым потребностям и нуждам, соответствующим специфике их мировосприятия и культурных традиций. По утверждению, например, У.Брубейкера, «в современную эпоху гражданство полностью утратило свой эгалитарный смысл, превратившись из инструмента расширения сферы политического участия в своеобразное институциональное орудие различия «своих» (т.е. полноправных граждан) и «чужих» (жителей страны, занятых в производстве, но исключенных из политического сообщества)». В результате внутри наций возникает своего рода разделение на новых «патрициев», обладающих всей полнотой гражданства, и «плебеев», пораженных главным образом в политических правах [6, с. 19].

В свою очередь ряд современных либеральных мыслителей коренной порок современного гражданства видит в его «национализации», т.е. в том, что оно игнорирует реальности мультикультурного общества, ориентируясь на интересы и ценности господствующего этноса. При всей обоснованности подобных утверждений, современным западным государствам нельзя не учитывать риски, связанные с разрушением культурного ядра гражданства, национального государства, поскольку очевидно, что «иные» национальные идентичности детерминируют и «иные» (отличные от европейских) социальные и политические практики.

Кроме этого, учитывая интенсивно идущие в современном мире процессы глобализации и европейской интеграции, следует указать на появление социальных предпосылок создания сосуществующего с национальным гражданством, с претензией на альтернативу, гражданства наднационального, «транснационального», мирового (европейского), питающиеся идеями всемирного космополитизма Сенеки, республиканского космополитизма французских просветителей, доктринами Канта и Дарендорфа.

На первый взгляд, объективные предпосылки для этого уже существуют, учитывая, прежде всего, нарастающую общность экономической, культурной, политической жизни современных общественных систем. Этому же процессу благоприятствует «информационное преобразование публичной сферы, которое, разрушив физические барьеры, создает условия для потенциально безграничного интерактивного информационного пространства... позволяет уже наметить некоторые характеристики мирового гражданского сообщества» [7, с. 103], что создает на базе общей коммуникативной среды и кровнородственную ценностную парадигму. В свою очередь, артикуляция в глобаль-

ной информационной сети единых ценностных систем, рождает тренд в сторону общих политико-юридических и культурных практик, что может выступить в качестве культурного ядра «мирового гражданства».

Однако для того, чтобы подобное гражданство состоялось, в первую очередь необходимы политические предпосылки, а именно формирование наднациональных политических институтов. Очевидно, что в современном мире создаются все новые подобные институты и сценарии глобальных политических действий, особенно в европейском контексте, где центр тяжести принятия политических решений уже начал перемещаться от органов власти каждого государства к наднациональным инстанциям (свидетельством тому является Евросоюз). Однако эти процессы пока не перешли в критическую фазу и не прошли, так называемую, «точку невозврата». Более того, даже в масштабах Европейского Союза в последние годы во все в большей степени начинают срабатывать механизмы торможения интеграционных процессов, а выработка общей политической воли и институционализация политических процессов становится сложно решаемой задачей, наталкиваясь на национальные препятствия в лице позиции правительств и общественного мнения.

Создается, тем не менее, ситуация, когда все более очевидным становится диссонанс между национальным статусом гражданства и условиями для осуществления гражданских прав и получения статуса гражданина в рамках глобализирующегося социоэкономического пространства, приводящего, в частности, к возникновению мирового гражданского общества, социальных инициатив, выходящих за рамки национальных границ. Очевидно, что национальное государство не перестало и в обозримом будущем не перестанет быть базовым институтом по определению статуса гражданина. Но одновременно не менее очевидно и то, что процессы глобализации не могут не продуцировать некоторые изменения статуса гражданства и гражданина, особенно применительно к социальной сфере.

Какие же существуют в этих условиях варианты трансформации института гражданства, и какие они могут иметь последствия для развития национальных государств? Некоторые современные политики и мыслители Запада предлагают изменить института гражданства до такой степени, чтобы убрать всякое соотнесение процесса натурализации с наличием (или отсутствием) у кандидата на гражданство тех или иных этнических и культурных характеристик, доминирующих в определенном обществе. В рамках этого подхода французский философ Э. Балибар выступил за создание «Европы без границ», или, точнее, Европы «с открытыми границами» для представителей различных национальных и социальных групп. Он полагает, что попытки Европы сохранить собственную идентичность де-факто привели к международному апартеиду, разделившему европейцев и неевропейцев не только за пределами Европейского Союза, но и внутри него [6, с. 20]. К тому же, принципы правового государства требуют, чтобы человек был вовлечен в процесс принятия решений, касающихся его судьбы. Однако подобный подход уничтожает «культурное ядро» современных национальных западных государств, равно как наносит удар по ослабленной национальной идентичности «новых постсоветских государств», что создает серьезные угрозы для их существования.

Следует осознавать также, что процесс европейского объединения предполагает, что граждане государств-членов Евросоюза расширяют спектр прав и обязанностей в рамках данного политического объединения, что, однако, не выходит за пределы «национального» гражданства, расширяющего политическое участие граждан своих государств. Как следствие этого, всемирное или даже европейское гражданство пока являются только идеальным политическим проектом, предметом интенсивных обсуждений, а не реальной повесткой дня для конкретных действий. В этом отношении современная

Европа – это цивилизация, которая все еще ориентирована на сохранение своей историко-культурной уникальности.

В связи с рассматриваемым вопросом следует обратить внимание на феномен корпоративного гражданства или корпоративной социальной ответственности (КСО), «описывающий стратегию развития бизнеса во взаимодействии с обществом в целях обеспечения эффективного и устойчивого развития» [8, с. 23]. Для реализации модели корпоративного гражданства корпорация разрабатывает и осуществляет программы социально ответственных инициатив, адресованных тем или иным участникам взаимодействия, которые реализуются по трем взаимосвязанным направлениям – экономическое развитие, обеспечение занятости и охрана окружающей среды. При этом, что важно, непосредственными участниками корпоративных отношений выступают неправительственные общественные и церковные организации, местные сообщества и объединения граждан, потребители, акционеры, поставщики, а также органы государственной власти. В континентальной Европе корпоративный бизнес вовлечен в обсуждение и решение общественно значимых проблем. Создается, тем самым, модель «компаний участников», ориентирующая корпорации на взаимодействие с многочисленными местными сообществами, организациями, отражающими различные общественно значимые интересы. В целом для современной Европы характерна тенденция к системному видению проблемы взаимодействия корпорации и общества. Корпоративное гражданство эффективно используется в качестве механизма вовлечения компании в публичную сферу. В этом случае корпоративное гражданство не только не конкурирует или же противопоставляет себя политическому гражданству, но, наоборот, его дополняет, являясь в реальности одной из его социальных практик.

Со своей стороны, российский исследователь А. Галкин полагает, что корпорации, действующие в экономической и социальных сферах, по ряду признаков (очевидная «социальная озабоченность») могут рассматриваться как интегральная часть гражданского общества. Однако при этом нельзя не забывать об их специфике. Речь идет о том, что они, чаще всего, жестко ориентированы на реализацию четко осознанных, узких групповых интересов и структурированы не только по горизонтали, но и по вертикали с выходом на политическую систему, добиваясь своих целей не в рамках публичной политики, а путем прямого, неофициального воздействия на политические структуры, сотрудничая, а то и срачиваясь с ними [9, с. 151]. В этом случае корпоративное гражданство неизбежно выполняет деструктивную роль, ориентируясь на узко групповые интересы и ценности, но не общественные, порождая «патологические изменения в жизни общества и утрату его нормативного потенциала» [10, с. 132]. Только в случае переформатирования целей в направлении социальных интересов и благополучия, построения соответствующих коалиций с местными сообществами (идеальный вариант – формирование Стратегий устойчивого развития в формате Местных повесток) корпорации могут выступать в качестве интегративного компонента гражданского общества и публичной политики.

Гражданская идентичность и процессы идентификации

Очевидно, что социальное поведение гражданина решающим образом определяется особенностями процессов его гражданской идентификации.

В современной науке существуют три группы подходов к определению сущности идентификации социальных субъектов. В рамках первой идентификация понимается как процесс копирования субъектом мыслей, чувств, действий другого лица при одновременном проявлении симпатий к нему и согласии на контроль с его стороны.

Во втором случае идентификация является процессом уподобления «авторитетному другому», сопровождающаяся усвоением ценностей последнего, его взглядов, установок, специфических форм поведения.

Третий подход рассматривает идентификацию как процесс отождествления субъекта с другим лицом как личностью, и основан на эмоциональной привязанности к нему, в результате чего происходит ассимиляция одного «Я» другим «Я», а значит, первое «Я» ведет себя в определенном отношении так же, как и второе: имитируя его, в некотором смысле вбирает его в себя и стремится сформировать собственное «Я» по подобию «образа».

Процесс гражданской идентификации включает в себя особенности всех этих трех подходов. Очевидно, что этому процессу свойственно признание политического и ценностного родства между членами гражданского сообщества. Не вызывает сомнения также рождение чувства эмоционального взаиморасположения, особенно при противопоставлении другим. Безусловно, гражданам одного государства присуща и определенная совокупность действий (традиционных, целерациональных и ценностно-рациональных), совершаемых ими в своем гражданском статусе. Следует указать и на своеобразный фокус их социальных взаимодействий по поводу «третьего» – интересы и ценности социума и государства. Операционально, таким образом, идентификация может рассматриваться как «следование поведенческим или личностным характеристикам другого лица, как реальное их воспроизведение либо в сходных поведенческих актах, либо в символических эквивалентах поведения» [11, с. 49–50].

Важно отметить и то, что, с одной стороны, процесс гражданской идентификации предполагает в качестве неперемennого атрибута момент личностного выбора. С другой – он далеко не всегда, в силу зависимости от субъективного компонента, устойчив и стабилен. Социальные идентичности, как правило, подвижны, зависят от контекста и являются результатом выбора. По мнению К. Кахун, «рассматривать идентичности только как отражение «объективных» социальных позиций и обстоятельств – значит рассматривать их ретроспективно. Такой подход мешает осмыслению того динамического потенциала, который... заключен во внутреннем конфликте индивида и соперничающих культурных дискурсах, приписывающих ему определенное место» [2, с. 14].

Подобная позиция является отражением принципиальных положений доминирующей сегодня в общественных науках теории социального конструктивизма, оспаривающего трактовку идентичности как чего-то объективно предопределенного и неизменного, некоей внутренней сущности, которой якобы обладают индивиды и группы. Сторонники этой теории ориентируются на анализ сложных и противоречивых процессов, итогом которых являются конкретные представления об идентичности. По их мнению, «конструирование» идентичности – сложный процесс, определяющийся переплетением *разных* социальных практик» [2, с. 14]. В этом отношении характерными являются утверждения О. Бреского, противопоставляющего локальность и гражданское состояние. С его точки зрения, если «локальность сообщает человеку определенный, очень устойчивый статус» и «помещает человека в некую первичную нормативную систему, определяет во многом его мировоззрение, его поведение, характер его отношения к другим», погружает «человека в определенный мир с четко обозначенными границами во времени, в пространстве, в социуме», то гражданское состояние отличается от локального именно тем, что задумывается не как следствие из текущих обстоятельств и условий жизни, а выстраивается согласно некоему плану и видению перспективы индивидуального существования, не обусловленного ничем, за исключением представления об этике и личном достоинстве. В таком случае граждане не являются проекцией локальностей, их действия не суть также прямые проявления локальных практик; они возникают там, где люди или местные сообщества презентуют себя в

публічным прастранстве [3, с. 78]. Очевидно, таким образом, что доминирующим элементов гражданства является не объективно-статусная обусловленность, но момент личностного выбора, мотивированная определенными ценностными системами и наличными объективными обстоятельствами.

В реальности идентификационные процессы в системе гражданских отношений представлены следующими процессуальными характеристиками: а) государство, его социальная миссия, совокупность конституционных прав и обязанностей как фокус ценностных идентификаций граждан; б) доминирующие в обществе смысловые конструкты, ценностные ориентации, политические идеологии, являющиеся предметом социальных идентификаций; в) специфические способы восприятия и определения социополитического мира гражданами государства; г) оценочные суждения, выражающие отношения граждан к определенным ценностным системам и социальным практикам; д) ролевые идентификации, отражающие господствующие в обществе политико-культурные императивы и практики; е) стилистика деятельности субъектов политического сообщества; ж) выбор граждан в пользу определенной модели социального поведения.

Разумеется, устойчивость социальной идентичности индивида решающим образом определяется качественной определенностью объекта, по поводу которого осуществляются гражданские отношения. Если человек четко и однозначно идентифицирует себя с определенной социальной группой и ее общественной миссией, например профессиональной или же религиозной, то мы можем говорить о прочности данной идентичности. Если же она постоянно «провисает», зависит от ситуативного контекста, лишена устойчивых мотивационных оснований, то подобная идентичность легко разрушается.

В целом же осознание собственной гражданской идентичности, связанной с членством в конкретном политическом сообществе, естественным образом противопоставляется другим идентичностям (классовой, расовой, этнической, религиозной, гендерной, профессиональной и др.). Действительно, сам факт принадлежности к гражданству, например, США либо СССР детерминировал совершенно различные модели идентификации граждан этих государств, принадлежащих к идентичным социальным группам.

Выводы

Гражданская идентичность основывается, таким образом, на нескольких основополагающих принципах.

Во-первых, на определенных правовых уложениях, подтверждающих юридическую принадлежность к определенному гражданскому сообществу. Во-вторых, на уже упоминаемой культурной идентичности в силу того, что в основе любой государственности находятся цивилизационный, национальный и политико-культурный факторы, демонстрирующие согласие с культурной традицией того или иного политического сообщества. Во-третьих, на патриотизме, патриотических чувствах как согласии с конституцией и политической системой, как проявление лояльности по отношению к действующей власти. В-четвертых, на консенсусе по поводу национальной идентичности, связанной с этническим компонентом и опытом национальной жизни. В-пятых, на следовании определенным культурно-символическим системам, укорененным в ткань политико-государственной жизни.

Следует отметить, что эти идентичности не исключают друг друга и до известной меры способны взаимно друг друга дополнять. Очевидно, например, что национальная идентичность предполагает в равной мере как культурную и политическую идентичность, так и форматирование единого символического пространства. Безусловно, что правовая гражданская принадлежность уже с самого начала потенциально стимулирует и пробуждает дух патриотизма.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Шматко, Н.А. Феномен публичной политики / Н.А. Шматко // Социс. – 2001. – № 7. – С. 106–112.
2. Малинова, О.Ю. Гражданство и политизация культурных различий. Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии / О.Ю. Малинова // Полис. – 2004. – № 5. – С. 7–18.
3. Бреский, О.В. Локальность и публичный дискурс / О.В. Бреский // Веснік Брэсцкага дзярж. ун-та. Сер. гуманітарных і грамадскіх навук. – 2008. – № 2 (33). – С. 77–85.
4. Штомпка, П. Социальное изменение как травма. Статья первая / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
5. Лысюк, А.И. Феномен публичной политики: содержание и структура / А.И. Лысюк // Вучоныя запіскі Брэсцкага дзярж. ун-та імя А.С. Пушкіна. – 2009. – Т. 5. – Ч. 1. – С. 235–243.
6. Межуев, Б.В. ТранскOLONиальный переход и «транснационализация» гражданства / Б.В. Межуев // Полис. – 2004. – № 5. – С. 19–27.
7. Росалес, Х.М. Воспитание гражданской идентичности: об отношениях между национализмом и патриотизмом / Х.М. Росалес // Полис. – 1999. – № 6. – С. 93–104.
8. Семенов, И.С. Корпоративное гражданство: западные модели и их перспективы для России / И.С. Семенов // Полис. – 2005. – № 5. – С. 23–40.
9. Галкин, А.А. Корпоративизм как форма отношений между государством и обществом: пределы и опасности / А.А. Галкин // Полис. – 2000. – № 6. – С. 147–158.
10. Пасько, Я.І. Неокорпоративна версія держави загального блага: держава проти громадянського суспільства / Я.І. Пасько // Практична філософія. – 2007. – № 3 (25). – С. 128–132.
11. Дубовская, Е.М. Феномен идентификации в групповом лидерстве / Е.М. Дубовская, Р.Л. Кричевский // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. – 1980. – № 2. – С. 48–54.

Lysiuk A.I. Public Policy and Civil Identity

The article is dedicated to the study of content and forms of civil self-performance in the framework of public policy by the citizens of the state. Initially defined is the content of such concepts, as «citizen» and «citizenship». Different research approaches concerning this problematics. It is mentioned, that citizen acting in the framework of social institutions, which represent civil society and have civil mission, is a basic actor of public policy. It is ascertained, that civil identity is based on: a) certain legal regulations confirming legal belonging to a certain civil community; b) cultural identity, because every statehood has in its foundation a component of politico-cultural character, certain cultural and symbolic systems; c) patriotism, as consent and loyalty towards the constitution and political system; d) identities linked to national belonging.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 31.01.2011